

Николай Евенко

* * *

Мне приснился сон, что котом я был
И тянулся лапой к изящной ёлке
И сходил с ума от потери сил
Потому что манил огонёк в потёмках.

Я бодал её лбом, и мурчал нутром
Переливом гортанным. Она молчала.
Но мой папка-шотландец, учил трудом
Добиваться желаемого, закачалась

Эта гордая, стройная, со звездой
И гирляндами яркими накренилась
Это лапы упёрлись. И коридор
Вдруг взорвался мяуканьем. Вот «мазила» -

Этот Ньютон несчастный. Пытался он,
Обеспечить мне карму, мол только горем
Обернётся желание моё, но вон
Я отправил его и учёных. Спорю,

Что и он, и хозяин мой – всё заумь
И не ведают, что высший разум – в кошках
Ну а ёлку хотелось – я сделал шум.
Это люди всё терпят «ещё немножко»

Нет бы взять и с разбегу нырнуть в сугроб
Или просто объестся конфет под вечер
Нет же....смотрят на полисорб
Чтоб не вышло чего, столько важных встреч.

И..я проснулся. Шотландец лежит в ногах
Жёлтым глазом щурится. Ёлки нету.
Он всё знает....он передал богам
Новогодние жаркие приветы

Любовь Сушко

Снежинки в форме сердец

Последние дни уходящего года,
Внезапная радость, печаль ниоткуда,
Мороз и тепло, перемены погоды,
Все очень похоже на сказку, на чудо.

И ёлка, и в синих шарах отразится
Усмешка лукава Деда Мороза,
И новая песня в порыве родится,
В последние дни уходящего года.

Незримые тени на пир прилетали,
В метели кружилась душа и округа,
И так мы боялись, и так мы мечтали,
Дожить, дотянуться до нового круга,

Мороз и тепло, перемены погоды,
Все очень похоже на сказку, на чудо.
Последние дни уходящего года,
Внезапная радость, печаль ниоткуда.

Это был тот самый главный день в году, когда даже очень взрослые и серьезные люди видят ангелов в метели и снежинки в форме сердец. В последний день уходящего года мало кто может усидеть дома, даже если не дописан самый главный роман, все равно, ты рвешься прогуляться по заснеженному городу, затеряться в метели и встретить того, кого в другие дни не встретишь, не заметишь, пробежишь мимо.

Виктория тоже ждала этого судьбоносного дня. И даже во сне накануне видела парня, влюбленного в нее еще в школьные годы.

– Сережа, – прошептала она просыпаясь, и такое блаженство охватило душу. Она подошла к окну.

Сначала Виктория увидела снежинки в виде сердец, потом ангелов в метели, они играли в снежки – две самые главные приметы надвигавшегося праздника. И дома она усидеть никак не могла. Ее верный шарпей Макар радостно завил хвостом и принес ей ошейник, настроение хозяйки передалось и ему. Они отправлялись гулять.

Виктория выскочила на улицу и рассмеялась. Там ведь была жизнь, настоящая жизнь, от которой она с годами успела отвыкнуть. Экран монитора с узорами букв, которые составляли определенный узор – текст – это было самым главным в будние дни. Да, она чувствовала себя чаще всего пряхой, иногда Пенелопой, которая уже не ждала своего Одиссея, а только иногда отбивалась от женихов, внезапно появлявшихся, и продолжала ткать свое полотно.

Она просто творила, веселые и грустные истории и дарила их миру.

Но в этот день реальный мир распахнулся перед нею во всей красе. Любимый город погружался в стихию праздника, разве удержишь в такие часы дома?

Снегопад ее пьянил и вдохновлял все больше. Но куда ее вел Макар, она не задумываясь, забыла, что надо возвращаться домой, дописать роман, приготовить праздничный ужин, достать шампанское, вдруг кто нагрянет внезапно.

Макар прошел мимо старого парка и направлялся в частный сектор. Так они оказались на Линиях, на 13 Линии, где когда-то жила бабушка, там они всегда встречали Новый год. Виктория успела подумать о том, что их туда перенесла метель. Ведь она так давно не была в мире своего детства.

Они остановились около окна старинного дома, пережившего всех обитателей. В доме была как всегда наряжена елка.

Старинные игрушки привели ее душу в трепет, в шарике она увидела морду волка, висевшего на ветке рядом и лицо девочки, закутанной в пушистый платок. Она помнила эти игрушки, хотя они не сохранились, сколько же лет прошло – целая жизнь.

На пороге появилась бабушка с мандаринами в красивой вазе, она почувствовала запах тех мандарин. Бабушка улыбалась и что-то тихо напевала. А прямо перед ней на ветке елки закачался восковой ангел с золотистыми крыльями. Кажется, он улыбался ей, как старой знакомой. Еще чуть-чуть и появятся гости за столом. Снова будет шумно и весело.

Но в тот миг все пропало, они шли по заснеженной улице, по той самой 13 Линии, и на душе было тепло и светло.

И вдруг в небесах зазвучала музыка и закружились, отрываясь от земли то ли люди, то ли призраки.

Но Макар не дал ей полюбоваться этим чудесным танцем, он потащил к широкой лавке, где восседал Дед Мороз в красной шубе, в настоящих валенках. И он был так печален, что Макар невольно заскулил, усевшись рядом с ним.

– От меня моя девушка ушла, – пожаловался Дед Мороз, – она не вернется, я ее знаю, она точно не вернется. А какой же без нее Новый год.

– Но жизнь продолжается, впереди сказочная ночь, – пробовала утешить его Виктория.

А он никак не утешался. Это был самый печальный Дед Мороз на свете. Надо было как-то его развеселить, и самим прикоснуться к празднику.

Виктория вспомнила, что самая большая елка в старом парке, и это не так и далеко. Она пригласила его туда. Он согласился, даже обрадовался, кажется. Ну что за чудо расчудесное, это был ее Дед Мороз, и она вела его на праздник в старый парк. А куда еще было идти в такой вечер? Никто не должен грустить и печалиться. Ведь как встретишь Новый год таким он и будет.

Праздничное настроение заразительно, и Дед Мороз улыбнулся, когда они вошли в кафе, куда пускали с собаками, и уселись за столик у стены – тепло, уютно, весело, музыка завораживала.

Дед Мороз поднял фужер с шампанским, а потом зазвучало ее стихотворение, старое, из тех школьных времен, когда все они были влюблены.

Я в бокалы с вином
добавляю прохладу метели,
Песню дивную вьюги
нам снова устало поют,
Приглашаю на вальс,
он сегодня таинственно-белый.
И в просторы бескрайние
зимние страсти влекут.

Пусть укутает вьюга
наш мир и зовёт нас куда-то,
Пусть в тумане безбрежном
проносятся сказки опять,
Медовухи тепло
в эту ночь я легка и крылата,
Будем снова кружиться,
и будем в снегу танцевать.

Мы вернёмся к утру,
у камина мы сядем устало,
Пусть огонь согревает,
не жжёт наши души опять,
Я в бокалы с вином
добавляю снежинок, как мало
Нам для счастья осталось,

в метели во мгле танцевать...

И с этими словами Дед Мороз улыбнулся и пригласил ее на танец, метельный танец был самым белым на свете. И только сейчас Виктория его узнала и пролепетала:

– Сережа. Разве мы могли встретиться? Ведь были разведены все мосты. Такие чудеса случаются только в Новогоднюю ночь.

– Я так долго ждал эту Новогоднюю ночь, но понятия не имел, где и как тебя найду. Тут без твоего Хранителя точно не обошлось.

– Прошла целая жизнь.

– Не говори так, у нас вся жизнь впереди.

Макар в это время мирно спал на коврике и даже посапывал во сне.

А потом они отправились домой, потому что Новый год – семейный праздник.

Они шагали по заснеженному парку к дому, вокруг порхали снежинки в форме сердец. Высоко в небе звучал саксофон, и ангелы все еще играли в снежки.

Станислав Жоглик

Год лошади

Предновогодняя суeta приперлась к Петровым еще с утра. А вот гости запаздывали.

Отец семейства, Игорь Михайлович Петров, уже трижды ставил на стол салат «Оливье» и трижды же уносил его прочь в холодильник. Мужчина, кажется, окончательно запутался, как же стоит подать этот шедевр гостям: чутка охлажденным, дабы усилить легким морозцем хруст маринованного огурчика, или же едва разомлевшим от комнатной температуры, что подчеркнет особую домашнюю нотку разварной говядины.

Игорь Михайлович просто обожал готовить. Окружающие часто становились заложниками его кулинарной догматики. В своем арсенале он хранил зубодробительные аргументы, почему ни при каких обстоятельствах «Оливье» даже помыслить нельзя без каперсов, и также – почему на свете нет злее греха, чем допустить в это кушанье тертое яблочко...

Звонок в дверь застал Игоря Михайловича с салатом в руках на равном расстоянии от стола и холодильника. Растерявшись и подергавшись взад-вперед, он, наконец, учтиво усадил салатницу в дальнее кресло у окна и побежал встречать друзей.

Шумной ватагой Сидоровы ввалились в дом: дети, пакеты, жены, иные члены семьи. Их уже встречали маленькие аборигены квартиры Петровы. Все весело перемешались и запутались, между делом доказав теорему Пуанкаре о замкнутом трехмерном пространстве.

Отец всех Сидоровых, Антон Сергеевич, воспользовавшись общей сумятицей, прокрался в зал, маскируя (честно говоря, без особого усердия) за спиной многочисленные пакеты.

– Это чего? – ткнул в него пальцем Петров.

– Подарки... – пожал плечами Сидоров.

Петров изменился в лице. Он кинулся к другу и, прикрывая его своей фигурой, оттанцевал его к дальней шторе.

– Прячь! – сурово скомандовал он.

– Зачем? – не понял Сидоров.

– Прячь, кому говорю! – оскалился Игорь Михайлович.

Антон Сергеевич недоуменно вздохнул, но нашел разумным подчиниться.

Пробежавшие по потолку дети, похоже, ничего не заметили. Петров с облегчением выдохнул.

В зал впорхнули жены друзей: Ирэн и Лидия. Они были прекрасны, но по их внешнему виду невозможно было определить, кто от какого мужа супруга. (Поэтому не будем тратить на это время, позже поймем из контекста).

– Давайте уже скорее садиться за стол, провожать Старый год! – воскликнула одна из них.

Мужчины, загадочно стоявшие у шторы, деловито переглянулись и плюхнулись на посадочные места. Ирэн и Лидия раскладывали снедь по тарелкам, Игорь Михайлович возился с напитками, Антон Сергеевич, глупо улыбаясь, создавал непринужденную праздничную атмосферу.

– Ну! – дружно выдохнули столующиеся, орошая нёба букетами плодовых и зерновых культур.

– Ух! – бонусом крикнул Сидоров. – Ну, а теперь подаркхе-кхе..!

Антон Сергеевич поперхнулся, получив внезапный удар поддых от Игоря Михайловича.

– Ты чего? – в один голос прошипели оба.

Сидоров шепотом развил инициативу:

– Ты лошадей-то не гони. Утром проснемся и откроем подарки. Первого января. Как и положено...

Назидательный тон раздражил Антона Сергеевича.

– Кому положено? Всегда подарки вручали тридцать первого декабря. Перед боем курантов!

Петров посмотрел на друга одним глазом снисходительно, другим – презрительно.

– Ага, конечно. Новогодние подарки по-твоему почему так называются? Потому что дарятся в Новый год!

– Никогда мы их так не называли, – вмешалась в спор Лидия. – Просто говорили: подарки к Новому году. «К» в значении «перед». Я филолог по образованию. Я в этом толк знаю.

– «К» в значении «на»! «В» в значении «под»! Что вы мне голову морочите? Елки-моталки. То, либо, нибудь. Тьфу! Да при чем тут это? – сердился Петров. – Дети же просыпаются с утра, бегут к елке, находят подарки. Трогательно же?

Так называемые трогательные дети тут же пронеслись по экватору стены, что-то роняя и разбивая в пропорции три к одному, но тут же исчезли на дальних берегах жилого помещения.

– Вооот, – протянул Сидоров. – Мы своим мелким всегда перед Новым годом дарим игрушки, чтоб их хоть чем-то занять. Иначе они нам спокойно посидеть не дадут.

К чату подключилась Ирэн:

– Новый год -он не только для детей праздник. Мне вот тоже кое-кто обещал сережки подарить. Я и платье под них подобрала. Что мне теперь до утра ждать? Игорь Михайлович выдохнул.

– Так, – медленно произнес он. – Давайте с другой стороны зайдем. Новогодние подарки, ну, в смысле «к Новому Году», тьфу, пропасть, запутаешься тут... Короче, их кто приносит? Дед Мороз. Правильно? И когда он то делает?

Ночью! Пока все спят. Прилетает со своими оленями и складывает коробочки под елку. Так гласит легенда. Не я же это придумал.

Жены согласно закивали. Сидоров, досадуя, что-то выпил, затем съел, затем продолжил:

– Тююю. Ты, может, и не придумал. Кто-то другой придумал. Дед Мороз... Легенды какие-то! У нас тут, между прочим, серьезный научный спор. А ты сказочки рассказываешь. И вообще, никакого Деда Мороза не существует, если что! – нервно крикнул Антон Сергеевич и тут же осекся. Внезапно перед его глазами возник один из летающих атомов-детей.

– Деда Мороза не существует? – шмыгнул носом ребенок. Затем скорчил трагическую гримасу, которая по всем параметрам выглядела увертюрой к громогласной слезной арии.

Петров воспользовался ситуацией, дал поддых Сидорову еще раз. Тот скорчился.

– Конечно, существует, – успокаивал ребенка Петров. – Не слушай дядю. У него тяжелое детство было. Никогда подарков под елкой не находил. Первого января!

– А давайте обратимся к классике, – предложила Ирэн. – В культовом фильме «Ирония судьбы, или С легким паром!» Ипполит дарит Наденьке французские духи сразу, как только входит в ее дом. И она, заметьте, незамедлительно вручает ему электробритву. До боя курантов!

Ирэн сказала это с таким победоносным видом, что сразу сильно разонравилась Игорю Михайловичу Петрову. Окажись она его женой (а это вполне себе возможно), он бы счел этот выпад за супружескую измену.

– А в не менее культовом фильме «Один дома» мальчик Кевин находит подарки под елкой утром... – как бы между прочим обронила Лидия.

– Ой, да там вообще все происходит в Рождество, а не в Новый год... – парировал Антон Сергеевич, раздраженный тем, что время работает против его позиции.

До боя курантов оставалось минут двадцать, а это значило, что спор будет проигран техническим нокаутом. Сидоров не мог этого допустить. Он решительно вскочил с дивана:

Хотите дарить свои подарки утром – ради бога! А мы подарим сейчас! – он кинулся к шторе, за которой были спрятаны священные пакеты.

– Еще чего! Значит, одни дети будут сидеть с подарками, а другие без? Пахнет скандалом! – завопила жена с противоположной стороны.

Игорь Михайлович тоже очень не хотел проигрывать в споре. Он ринулся товарищу наперерез. Завязалась мягкая дружеская потасовка, победителем из которой никто не мог и не хотел выходить. Обессилев от вынужденных объятий, друзья рухнули на одинокое кресло, что стояло у окна. Послышался хруст

треснувшего стекла и маринованных огурчиков. В воздухе витали нотки домашней разварной говядины, разомлевшей от комнатной температуры и двух мужских тел.

– Такой салат угробили! – чертыхнулся Игорь Михайлович.

– Оставить панику! – примирительно воскликнул Антон Сергеевич. – Мы тоже «Оливье» принесли. «Оливье» много не бывает. Жена сделала. Пальчики оближешь. С тертым яблочком!

Услышав это, Игорь Михайлович заплакал.

В комнату прибежали петровские дети:

– Папа, папа, не плачь! Мы в спальне нашли подарки, которые спрятал Дедушка Мороз. Давай скорее откроем их! Папа, папа!

Антон Сергеевич сентиментально обнял товарища. Затем аккуратно встал, отряхнул каперсы с чресел и плотно прикрыл штору, за которой хранились его пакеты.

Куранты пробьют что им положено. Дети Сидоровых найдут подарки утром под елкой, после ночного визита Деда Мороза.

Конь начнет свой год с ничейной партии.